

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издателя	7
ВВЕДЕНИЕ	9
Глава 1 АМЕРИКАНСКАЯ СИСТЕМА ПРАВЛЕНИЯ	15
Глава 2 PER ARDUA AD ASTRA	85
Глава 3 ОБЩЕСТВО ЧУЖАКОВ	157
Глава 4 ВОЙНА ПОЛОВ	223
Глава 5 ДЕТИ В АМЕРИКЕ	285
Глава 6 ГОРИЛЛА НА ОСТРОВЕ	343
Глава 7 ЗАВОДНЫЕ И ЗАВОДИЛЫ	409
Глава 8 ПОМЫСЛИТЬ НЕМЫСЛИМОЕ	475
Библиография	501
Именной указатель	537

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Книжную серию «Международные отношения» издательства ИРИСЭН продолжает новая работа известного израильского историка Мартина ван Кревельда «Американская загадка». Она продолжает давнюю традицию «книг иностранцев о США», вершиной которой является «Демократия в Америке» Алексиса де Токвиля.

В своем исследовании М. ван Кревельд рассматривает США как уникальное историческое, социальное и политическое явление, в значительной степени определяемое фундаментальными идеологическими предпосылками, положенными в основу американского государства. В некотором смысле эта страна была и остается результатом целенаправленной реализации проекта построения общества на основе рационально сформулированных принципов. Автор книги в подробностях прослеживает цепочки причинно-следственных связей, ведущие от фундаментальных идей к конкретным социальным, экономическим и политическим явлениям и проблемам, с которыми сталкивается американское общество и партнеры США на международной арене.

Невозможно отрицать огромную роль, которую играют США в современном мировом сообществе. Любые, даже на первый взгляд незначительные шаги американского государства могут иметь и имеют существенные международные последствия. В этой ситуации всем другим народам и государствам может весьма пригодиться глубокое понимание внутренних движущих мотивов американской внешней политики. В книге М. ван Кревельда этой теме посвящена целая глава, и к ней он возвращается и в других главах.

Однако международное влияние США не ограничивается собственно политикой. Не меньшее, а, может быть, даже большее значение имеет социальное и культурное влияние. Практически любая тема, ставшая предметом общественной дискуссии или государственной политики в США, вскоре неизбежно подхватывается экспертами, общественными движениями и правительствами других стран. Поэтому очень важно понимать, какие социально-идеологические движущие силы стоят

за очередным поветрием, идущим из Америки. И здесь книга М. ван Кревельда, в которой подробно рассматриваются политические, правовые и социальные проблемы США в их внутренней динамике, сослужит хорошую службу русскоязычному читателю.

Отдельную главу автор посвящает анализу различных сценариев будущего США и их последствий для роли этой страны в мировой системе. Тем самым он вносит свой вклад в активную дискуссию, ведущуюся на эту тему в экспертном сообществе.

«Американская загадка», как и положено книге, написанной историком, содержит сотни ссылок на первичные источники и исследовательские работы. Приведенная автором библиография представляет самостоятельную ценность и может быть использована студентами для первоначального ознакомления с американской историей и социологией американского общества.

По решению автора первое издание этой книги выходит в России и на русском языке. Она предназначена самому широкому кругу читателей, интересующихся современными международными отношениями и современной историей США.

Валентин Завадников
Председатель Редакционного совета,
Август 2008 г.

ВВЕДЕНИЕ

Все страны неповторимы, но Соединенные Штаты Америки, пожалуй, неповторимее всех. Главное же в том, что Америка *имеет значение*. Отчасти потому, что Соединенные Штаты Америки — самая могущественная страна на свете, и всякий раз, как эта страна чихает, миру грозит тяжкая простуда. Отчасти дело в ее поразительной способности экспортировать свои идеи, культуру и образ жизни, и потому все, что есть в США сегодня, с большой вероятностью появится в других странах завтра. Так обстоит дело и с разработкой новых поколений суперкомпьютеров, и с новым пониманием прав женщин; и даже динозавры произошли из Америки — если не в реальности, то в кино. Выходит, что изучение Соединенных Штатов Америки — это одновременно и самое настоящее исследование будущего. И этим-то оно исключительно важно и исключительно интересно.

Сам я впервые посетил Америку весной 1980 года, приземлившись в аэропорту Даллес, который тогда был куда меньше, чем сегодня. Подобно большинству людей, я полагал, что знаю, куда еду, — разве не прочел я уйму американских текстов, разве не просмотрел еще больше фильмов? Но не прошло и пяти минут, как я поразился тем, что можно смело назвать абсолютной инаковостью этой страны. Например, к тому времени мой водительский стаж насчитывал четырнадцать лет. Мне приходилось водить автомобили самых разных марок во множестве стран, в том числе и в странах с левосторонним движением. Но когда я решил запарковать свой арендованный «мустанг» в центре Вашингтона, то без помощи прохожего не смог вытащить из замка ключ зажигания. Оказалось, что для этого нужно было сначала нажать (или потянуть, уже не помню) какую-то кнопку, о существовании которой я прежде и не подозревал.

Проснувшись утром, я столкнулся с ворохом проблем. Первой из них оказалось бритье, потому что во всем Вашингтоне переходники для электробритвы продавались только в одном месте. Воскресный завтрак стал проблемой, потому что все было закрыто, а в большинстве отелей завтрак не предусмотрен

(позднее я, вместе с ордами других туристов, обнаружил, что можно позавтракать в ротонде на верхнем этаже Национального аэрокосмического музея). Проблемой оказалась еда в кондитерии, потому что каждое блюдо предлагалось в ошеломляющем числе вариаций, о большинстве которых я раньше и не слышал. Проблемой оказались поездки в метро или автобусе, потому что нужно было держать наготове мелочь. Проблемой оказались покупки, потому что без автомобиля нельзя воспользоваться бесчисленными предложениями о скидках. Ближайшие же магазины оказались не только дорогими, как выяснилось после, но к тому же продукты в них упаковывали не в обычные пластиковые пакеты, а в коричневые бумажные. Велосипеды на улице были не просто прикованы толстыми цепями — во избежание угона с них были сняты передние колеса. В первые дни и недели я чувствовал себя примерно как Алиса в Стране чудес.

Не я один растерялся при столкновении с этим новым, странным и немного пугающим миром. Вот как Симона де Бовуар, в свои 39 лет уже весьма известный писатель, рассказывает о своем первом визите в Нью-Йорк зимой 1947 г.: «Этот вестибюль [гостиницы] ошеломляет меня своей экзотичностью, противостественной экзотичностью... Здесь газетный и табачный киоски, здесь парикмахер, комната для писем, в которой стенографистки и машинистки пишут под диктовку клиентов, — это одновременно клуб, контора, комната ожидания и большой универмаг. Я чувствую, что все вокруг приспособлено для жизни, но не знаю, как этим воспользоваться. Где получить присланные мне письма? Как мне отправить написанные мною? Меня все изумляет — все так неожиданно, даже то, что я ожидала увидеть. Я очутилась не просто в чужой стране, но в другом мире — в отдельном и особом мире»¹.

С тех пор я побывал в Америке много раз, по делам и ради собственного удовольствия. К тому же я прожил в ней целых два года — год в Мэриленде и год в Виргинии. Нет нужды говорить, что мы с семьей использовали каждую возможность для знакомства со страной. Конечно, Америка слишком велика и многолика, чтобы можно было «постичь» ее; но верно, пожалуй, и то, что мы узнали ее куда лучше, чем большин-

¹ S. de Beauvoir, *America Day by Day*, Berkeley, CA, University of California Press, 1999 [1947], p. 11.

ство американцев, не говоря об иностранцах. Со временем мы научились справляться с проблемами. Например, мы уяснили, что для сбора «отходов» (избегая всего, что считается нечистым и неподобающим, образованные американцы не употребляют слова «мусор») сначала нужно связаться с соответствующей компанией, а потом можно сделать выбор между различными договорами с различными условиями и ценами. А еще мы обнаружили, что телефон здесь используют куда чаще, чем мы считали возможным, и организовывать свою жизнь нужно соответственно.

Со временем, как тому и следовало быть, эти трудности ушли, и повседневная жизнь становилась все проще. И все же тот, кто научился понимать Америку и даже восторгаться ею, не всегда сближается с американской жизнью. Напротив: зачастую чем больше ее постигаешь, тем более чуждой она кажется. Слишком часто понимание рождает отчуждение, а не близость или желание стать своим. Не один я испытал это. В 1991—1992 гг. я целый год преподавал «стратегию ведения войны» в Командно-штабном колледже Корпуса морской пехоты в Квонтико. Среди почти двух сотен слушателей была дюжина офицеров из таких стран НАТО, как Британия, Франция, Италия, Германия и другие. Они часто говорили мне, что чем дольше живут здесь, тем острее чувствуют, насколько глубока культурная пропасть между Америкой и Европой и как много общего у них самих. Именно они подали мне идею попытаться объяснить, пусть только самому себе, что же делает Америку столь иной и особой. Откуда исходит эта инаковость и куда она ведет?

Содержание книги таково. Первая глава, «Американская система правления», пытается уловить ряд особенностей американской системы государственной власти — те черты, которые делают ее столь отличной от других стран (в том числе и демократических), и тот образ действий, что способствовал созданию этой страны. Глава вторая, «*Per Ardua ad Astra*»*, анализирует факторы, способствовавшие становлению самой успешной и самой большой экономики, доселе невиданной в мире. Третья глава, «Общество чужаков», посвящена социальной системе с ее уникальным сочетанием этнической пестроты, социальной и географической мобильности, отсутствия

* Через тернии к звездам (лат.). — *Ред.*

корней и отчужденности. Четвертая глава, «Война полов», посвящена весьма своеобразным отношениям между мужчинами и женщинами. Глава пятая, «Дети в Америке», исследует то, как множество взрослых американцев обращаются (хорошо или дурно) со своими отпрысками, обеспечивая передачу своих собственных проблем из поколения в поколение. Шестая глава, «Остров Гориллы», рассматривает факторы, отвечающие за формирование американской внешней и военной политики в отношении всего остального мира. Глава седьмая, «Заводные и заводилы», посвящена быстрым изменениям американского образа жизни и уникальной способности Америки распространять его по всему миру. Наконец, в главе восьмой, «Осмысление немыслимого», предлагаются некоторые размышления о том, что готовит нам будущее.

Когда берешься за такого рода тему, главной проблемой оказывается не нехватка источников, а их избыток. Всем известно, что если сложить в стопку все посвященные Америке публикации, она протянется до ближайшей звезды и обратно. Известно и то, что этот факт никому еще не помешал сочинить великие книги на эту тему. Следовательно, решил я, это не должно удерживать и меня от того, чтобы сделать все, что в моих силах.

Как всегда, первое и самое трудное дело состояло в определении вопросов, на которые я хочу ответить, — иными словами, в решении, на сколько частей резать мое творение, как будут выглядеть эти части и в каком порядке их расположить. Затем я изучил столько источников, сколько, по моему разумению, требовалось, чтобы получить приемлемые и не слишком пространственные ответы на мои вопросы. Материалы большей частью были американскими. Но я использовал и эпизоды, пересказанные иностранцами, которые при своих посещениях часто подмечают то, что для американцев разумеется само собой и чего они не видят. Некоторые части содержат статистику, по причине того, что цифры — единственный способ обращения со зверем, столь огромным, динамичным и многоликим, как США. Чтобы проиллюстрировать и оживить статистику, я использую истории из жизни. Порой я излагал те из моих собственных впечатлений, которые представлялись уместными и допускали обобщения.

После того, как президент Буш в апреле 2003 года напал на Ирак, на Америку обрушилась беспрецедентная волна крити-

ки. Большая часть критики идет извне, но немало ее звучит и из уст самих американцев; как уже не раз бывало в американской истории, на смену самодовольству, столь типичному для конца 1990-х гг., пришло время самобичевания. США обвиняют решительно во всех грехах — начиная с нарушений международного права в обращении с военнопленными и заканчивая тем, что американцы наводнили весь мир гамбургерами². По крайней мере один критик (американец) зашел так далеко, что объявил Америку несостоявшимся государством³. Поток обвинений столь безбрежен, что можно только дивиться, как еще земля терпит на себе эту архискверную державу (*The New York Times*)⁴. Куда там вспоминать о процветании, притягивающем как магнитом миллионы людей, которые, приезжая со всего мира, готовы на что угодно, чтобы пересечь ее границы. Ответ, разумеется, не в том, что эта страна хуже других, а в том, что она просто другая. Если моя книга сможет пролить свет на природу этих различий, на их истоки, на то, как они связаны между собой и как они формируют судьбу самой Америки (и, не в последнюю очередь, всего мира), значит, она выполнила свою задачу.

² См., например: Z. Saradar and M. W. Davies, *Why Do People Hate America?* London, Icon, 2002, в особенности pp. 103—136.

³ N. Chomsky, *Failed States: The Abuse of Power and the Assault on Democracy*, New York, N.Y., Holt, 2006. [Рус. пер.: Хомский Н. Несостоятельные Штаты. Злоупотребление властью и атака на демократию. М: Столица-Принт, 2007].

⁴ S. Schemann, "The Only Superbad Power", *New York Times*, Sunday Book Review, 25.1.2004.

Глава 1

АМЕРИКАНСКАЯ СИСТЕМА ПРАВЛЕНИЯ

В 1986—1987 гг. я преподавал в Университете национальной обороны в Вашингтоне, округ Колумбия. В конце учебного года состоялась церемония вручения дипломов, в ходе которой главный капеллан ВМФ благословил выпускников. Я никогда не забуду, как он сказал в своем обращении: США — единственная страна в истории, в которой правительство с самого начала было создано ради того, чтобы обеспечить свободу, равенство и справедливость для всех. На лужайке рядом со мной стоял один из моих студентов, подполковник сухопутных сил примерно сорока лет. Повернувшись ко мне, он спросил: «Вы верите в это?» И я без малейших колебаний ответил: «Да».

Строго говоря, не все здесь идеально — ведь человеческое общество несовершенно. Американцы со времен Томаса Джефферсона и Александра Гамильтона без конца спорят о том, как уравновесить свободу, равенство и справедливость. Более того, они расходятся не только в понимании этих идеалов, но и в вопросе о методах, используемых для реализации этих идеалов на деле. Даже среди самых пылких американских патриотов немногие станут отрицать, что в их стране идеалы свободы, равенства и справедливости не всегда воплощались на практике. Почти каждый согласится, что их часто искажали и нарушали. Особенно когда речь идет об обращении с индейцами, чернокожими и другими меньшинствами, а также, добавят некоторые, с женщинами. И в Америке, и за рубежом очень многие считают, что эти нарушения и искажения продолжаются до сих пор — возможно, добавляя, что сегодня дела обстоят почти так же плохо, как и в прошлом.

Соответственно эта глава решает четыре задачи. Во-первых, мы поближе присмотримся к смыслу, который американцы вкладывают в свои идеалы, то есть к тому, как они понимают свободу, равенство и справедливость. Во-вторых, мы

исследуем систему правления, которую американцы, и прежде всего творцы Конституции США, создали, чтобы как можно лучше увериться, что эти идеалы будут править их страной. В-третьих, мы бросим взгляд, пусть и поверхностный, на то, как система работает на практике, начав с того, как соотносятся друг с другом различные ее составляющие, рассмотрев природу политического процесса и завершив некоторыми замечаниями о том, каким образом строятся отношения правительства и управляемых. В-четвертых, мы исследуем связи между всем этим и тем, что я со всяческой осмотрительностью и за отсутствием лучшего термина назову душой Америки.

По словам многих американских авторов, из трех столпов, подпирающих американский идеал, — свобода, равенство и справедливость — важнее всего первый, то есть свобода. Ее и впрямь рассматривают как предварительное условие двух других, как корень, из которого произрастают, по словам одного автора, «честь, верность, благородство, великодушие, честность [и] скромность»¹. Этот концепт вовсе не родился в готовом виде в головах создателей американской конституции. Наоборот, к тому времени, когда они приняли его, он уже имел длинную и сложную историю.

У древних греков свободой (*eleutheria*) обладали граждане, удовлетворяющие двум условиям. Во-первых, они не должны быть ни в чьей власти или собственности — иными словами, ни несовершеннолетними, ни женщинами, ни рабами. Во-вторых, они должны сами собой управлять, а не быть подданными отечественного тирана или иностранного владетеля. Римляне в республиканский период рассматривали этот вопрос в том же ключе. У них точно так же свободными гражданами являлись те, кто не был ни несовершеннолетним, ни женщиной, ни рабом. Они точно так же, как греки, считали свободу возможной только в условиях республики, но не монархии (*regnum*). Однако в сравнении с греками они сделали шаг вперед, создав формальные гарантии от произ-

¹ S. Nash-Marshall, *What It Takes to be Free*, New York, N.Y., Crossroad, 2003, p. 27. Об истории понимания свободы в Америке см. также: E. Foner, *The Story of American Liberty*, New York, N.Y., Norton, 1998.

вольного наказания². Когда апостол Павел заявил арестовавшим его солдатам, что он римский гражданин (*civis Romanus sum*)³, он имел в виду свое право предстать перед римским судом, и у него действительно была возможность добиться реализации этого права.

В Средние века и на протяжении значительной части Нового времени идея свободы была тесно связана с классом, статусом, местом жительства и даже видом собственности, которой владел человек. Подобно тому, как термин «капрал»* первоначально применялся к солдату, освобожденному от телесных наказаний, так и определенные классы, лица, общины и владельцы недвижимости претендовали на «свободу» от определенных законов, ограничений и сборов, которые налагались на других. Иными словами, свобода была эквивалентом того, что сегодня мы назвали бы особыми правами, привилегиями: не существовало абстрактной свободы, свободы как концепта⁴. Поэтому дворяне, духовные лица, горожане, фригольдеры и т.п. обладали «свободами» разного рода — такими, например, как свободой от прикрепления к земле или свободой от конкретных налогов. К тому же очень часто вопросы о том, что именно означали эти свободы, как их следовало толковать и каковы были последствия обладания ими, должны были решаться судами разных типов.

Если в Средние века свобода, понимаемая как особые права определенных групп, была частью фундамента общественного устройства, то этого нельзя сказать о начале Нового времени. Сама суть абсолютизма состоит в уравнивании, чему лучшее свидетельство труды его величайшего апологета Томаса Гоббса. Гоббс жил в период гражданской войны, и ему, чтобы выжить, пришлось спасаться бегством. Неудивительно, что он был склонен рассматривать каждую составную часть общественной жизни почти исключительно с точки зрения ее вклада в поддержание общественного порядка. В трактате «Левиафан»

² О римской концепции свободы см.: Ch. Wirszubski, *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and the Early Principate*, Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

³ Деян 25.

* Английское слово латинского происхождения «капрал» (*corporal*) имеет также значение «телесный». — Прим. перев.

⁴ См.: G. Tellenbach, *Church, State and Christian Society at the Time of the Investiture Conflict*, Oxford, Blackwell, 1970, pp. 10—25.

(1651) он попытался обосновать самую сильную из возможных форм правления. При таком правлении свобода означала не более чем зазоры между законами — щели, которые оставил суверен, издавший эти законы⁵. Из сфер, где *не* допускалось господства свободы, — т.е. тех, которые Гоббс считал слишком важными, чтобы оставить их вне рамок регулирования, — первой была религия. Не все могли согласиться с таким подходом. Среди тех, кто не принял религиозного диктата английской монархии и принял на себя все последствия этого, были пуритане, которые в 1620 г. от Р.Х. на борту «Мейфлауэра» отплыли в Новый Свет.

Для тогдашней Англии гоббсово определение свободы оказалось недопустимо деспотическим и на практике и в теории — причем в чистом виде его, по-видимому, никогда не применяли. Джон Локк, писавший свои труды спустя три десятилетия после Гоббса и в прямой полемике с ним, не считал, что свобода есть то, чем обладают одни группы людей и не обладают другие, но он также не считал, что свобода есть нечто, порождаемое деятельностью или бездеятельностью государственной власти. Нет, свобода есть то, что даровано людям — всем людям — самой природой. Она представляет собой одно из фундаментальных качеств человека, которое возникло задолго до установления какой бы то ни было государственной власти и которому суждено продолжать свое существование при любой форме правления и даже в отсутствие всякого правления⁶. Для Локка свобода не является порождением государственной власти, как позднее утверждал немецкий политический мыслитель Гегель, — наоборот, сама цель государственной власти состоит именно в защите свободы от всех, кто ей угрожает, и в том числе не только от людей, но также и от самого государства. Мы не знаем, когда именно Локк написал свой «Второй трактат о правлении». Но примерно через 87 лет после его написания имен-

⁵ Th. Hobbes, *Leviathan, or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth*, Oxford, Blackwell, 1961, p. 143. [Рус. пер.: Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С.147.]

⁶ J. Locke, *Second Treatise on Government*, London, Ballantine, 1884 [1688?], pp. 240—244. [Рус. пер.: Локк Дж. Два трактата о правлении. // Локк Дж. Сочинения в 3 тт. Т.3. М.: Мысль, 1988. С. 274—275.]

но эта двойственная концепция свободы вошла в американскую Декларацию независимости.

Вопрос о свободе был тесно связан с идеей равенства. Изначально греческие города-государства были аристократическими, управляемыми несколькими главами семейств, возводившими это право к своим предкам-богам. Позднее положение изменилось, но, как говорилось выше, даже самый демократичный из греческих городов-государств город Афины, признавал равенство за свободными гражданами и только за ними. Свободными гражданами могли быть только взрослые мужчины. Одним из следствий этого было то, что женщины не могли участвовать в голосовании или занимать государственные должности. Кроме того, они не могли выступать в суде — их должны были представлять родственники мужского пола или наемные поверенные. В отношении равенства Риму было далеко даже до этого. Правда, со временем к старой «патрицианской» аристократии присоединилась группа так называемых новых людей плебейского происхождения и постепенно различия между ними почти исчезли. Следует сказать, что народное собрание, или *consilium plebes*, постепенно увеличивало свою власть за счет других, менее демократичных собраний, а именно комиций *curiata*, *centuriata* и *tributa**. И все же ни система правления, ни само общество, в котором она была укоренена, так и не избавились от элементов аристократической традиции, и это было прекрасно известно Джефферсону и другим творцам американской конституции⁷.

Большинство исторических государственных образований *a fortiori*** вовсе не признавали равенства. Напротив: той основой, на которой они покоились и которая придавала их правителям легитимность в глазах приверженцев, было *неравенство* — неравенство происхождения, статуса,

* *Comitia curiata* — куриатные комиции (собрания), участники которых голосовали по куриям (союзам родов); *comitia centuriata* — центуриатские комиции, участники которых голосовали по войсковым сотням; *comitia tributa* — трибутные комиции, формируемые по трибам (территориальным единицам). — *Ред.*

⁷ Carl J. Richard, *The Founders and the Classics: Greece, Rome, and the American Enlightenment*, Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1994, p. 225.

** И подавно (*лат.*). — *Прим. науч. ред.*

собственности или образования. Практически во всех случаях правителем, опирающимся на эти различия, был мужчина (реже женщина), обладавший наследственной властью. Эти правители носили такие титулы, как вождь, лорд, князь, король, император, или их вариации. Чаще всего они или их предки добывали власть силой оружия; однако, достигнув власти, они почти всегда начинали искать способ узаконить ее и институционализировать. Для этого властитель чаще всего объявлял себя представителем бога (или богов), избранником бога или его потомком. Некоторые шли еще дальше и провозглашали богами самих себя. Они требовали поклонения и в религиозном, и в политическом смысле. Именно так обстояло дело в Древнем Египте, в Риме (начиная уже с Августа) — и, разумеется, в Японии. Таким образом, сама основа правления исключала равенство. Как правило, попытка заявить «вышестоящим» о своих притязаниях на равенство стоила человеку головы.

Первым политическим мыслителем, заявившим, что все люди равны и что никто не должен обладать особыми правами или привилегиями на основании того, что он равнее других, был опять-таки Томас Гоббс⁸. Джон Локк явно стремился опровергнуть Гоббса решительно во всем, но в этом он его поддержал. Ко второй половине XVIII века идея равенства приобрела сильных приверженцев среди просветителей, а Французская революция вскоре сделала ее наступление неудержимым. Тем не менее история распорядилась так, что во главе этого движения оказались США. Одним росчерком пера были уничтожены все дворянские титулы, всякого рода особые статусы и все вытекавшие из них привилегии. Та же судьба постигла права, вытекавшие из принадлежности к определенным корпорациям, — например, право дворянина представлять перед судом из членов его класса и право быть освобожденным от определенного рода наказаний; экономические привилегии граждан некоторых городов, а также сохранявшееся еще во второй половине XIX века установление, по которому главы колледжей британских университетов имели на парламентских выборах два голоса, а не один. Правда, существенные островки неравенства еще сохранялись в се-

⁸ Th. Hobbes, *Leviathan, or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth*, pp. 80—81. [Рус. пер.: Гоббс Т. Указ. соч. С. 85.]

мье (об этом см. четвертую и пятую главы этой книги), с одной стороны, и в рабовладении, с другой. Однако, за упомянутыми исключениями, с этого момента по закону отдельные американцы могли обладать особыми правами, только если занимали определенную должность и лишь до тех пор, пока они ее занимали.

Но даже с учетом этих исключений американская конституция вовсе не стремилась сделать всех людей равными во всем. Такое, вероятно, создателям конституции и не приходило в голову: в конце концов, они были детьми своего времени, которое уже несколько столетий продвигалось в направлении капитализма. Если не считать расу, пол и возраст, самым важным источником неравенства, который остался незатронутым, была собственность. История знает несколько обществ, прежде всего древнюю Спарту и ранние христианские секты, которые в стремлении к равенству чуть не отменили собственность. В XIX веке даже в самих США существовали утопические сообщества, стремившиеся к уничтожению частной собственности⁹. Они, в общем и целом, не достигли существенных успехов. Большая их часть довольно быстро распалась, а остальные превратились в замкнутые социальные островки.

Создателей американской конституции, взиравших на прошлое с позиций конца XVIII века, не привлекал опыт ни христианских сект, ни Спарты, о чем говорит то, что первые они игнорировали, а последнюю открыто отвергли¹⁰. В этом, как и во многом другом, они следовали Джону Локку. В системе Локка собственность играла столь огромную роль, что даже жизнь он рассматривал как вид собственности, которая принадлежит индивиду и не может быть у него отнята без соблюдения надлежащей судебной процедуры¹¹. По словам Джона Адамса, «собственность должна быть защищена, а иначе свобода невозможна», а Александр Гамильтон сказал, что, «отказываясь от защиты собственности, мы отказываемся защищать

⁹ Общее описание этих сообществ см. в работе: A. L. Peterson, *Seeds of the Kingdom: Utopian Communities in the Americas*, Oxford, Oxford University Press, 2005.

¹⁰ См., например: John Adams, *A Defence of the Constitutions of Government of the United States of America*, New York, N.Y., Da Capo, 1971, [1787—1788], vol. I, pp. 253—258.

¹¹ Locke, *Second Treatise on Government*, pp. 234—235. [Рус. пер.: Локк Дж. Два трактата о правлении. С. 277, 320—312.]

свободу»¹². Всякий раз, как создатели конституции говорили о необходимости защитить «немногих» от «многих», они в действительности заботились о защите собственности¹³ — прежде всего своей. Некоторые, среди которых самым знаменитым был историк Чарльз Берд, утверждали, что такова и была их главная цель при создании конституции¹⁴.

Конституция сыграла большую роль в превращении США в страну больших возможностей тем, что просто-напросто гарантировала всем живущим под ее руководством право невозбранно накапливать богатство и владеть им. С другой стороны, говоря словами Карла Маркса, и богатым и бедным она даровала равную свободу ночевать под мостом. Верховный суд в своем толковании Конституции США последовательно отказывался учитывать любые различия между людьми, источником которых могло быть наличие собственности или ее отсутствие¹⁵. В этом отношении он отражает общественное мнение США: в отличие от других стран, ни народ, ни его лидеры не готовы терпеть ограничения прав собственности ради того, чтобы восторжествовало равенство¹⁶. Таким образом, в определенном смысле американская идея равенства основана на притворстве. Она делает вид, будто то, что у богача есть столько-то акров земли или долларов в банке, а у нищего нет вовсе ничего, ровно ничего не значит, кроме того, что, ну да, первый богаче второго. Как будто в реальной жизни экономическое преимущество нельзя превратить в политическую власть, а политическую власть в особые пра-

¹² Цит. по: S. Bruchey, "Social and Economic Developments After the Revolution", in J. P. Greene and J. R. Pole, eds., *The Blackwell Encyclopedia of the American Revolution*, Oxford, Blackwell, 1991, pp. 559—560.

¹³ Об этом см.: F. McDonald, *The American Presidency; An Intellectual History*, Lawrence KS, University Press of Kansas, 1994, pp. 75—78.

¹⁴ C. A. Beard, *An Economic Interpretation of the Constitution of the United States*, New York, N.Y., Macmillan, 1913.

¹⁵ H. Gillman, «Reconnecting the Modern Court to the Historical Evolution of Capitalism», in H. Gillman and C. Clayton, eds., *The Supreme Court in American Politics*, p. 248.

¹⁶ Подтверждения этому см. в: S. M. Lipset, *American Exceptionalism; A Double Edged Sword*, New York, N.Y., Norton 1996, p. 145.

ва, а особые права в экономическое преимущество и так далее в бесконечном движении по кругу, который некоторые сочли бы поистине порочным.

Наконец, нужно кое-что сказать и о том, как американцы понимают справедливость, — тем более что, как мы увидим далее, само это понимание превратилось в экспортный товар. Очевидно, корни американской системы правосудия следует искать в британской системе — такой, как она сложилась, начиная со времен позднего Средневековья¹⁷. Основные элементы системы можно приблизительно представить следующим образом. Как во всех современных политических сообществах, правосудие отправляется от лица суверена, а в США суверен — не королевская власть, как в Англии, и не государство, как в большинстве других стран, а народ. Как во всех современных политических сообществах, судопроизводство разделено на уголовное и гражданское. В отличие от Англии, в США никогда не было отдельной системы церковных судов или судов по делам о завещаниях и наследствах, отвечающих за проведение в жизнь церковного и семейного права.

В Англии «Славная революция» 1688 г. положила конец старой системе особых судов, разбирающих дела государственной важности. Но колоний это не коснулось. На протяжении всего XVIII века английское правительство неоднократно пыталось восстановить эти суды именно для колоний, что порождало недовольство, сыгравшее ключевую роль в последовательности событий, приведших к Американской революции. Поэтому, как только возникли Соединенные Штаты Америки, эти суды сразу были уничтожены. Это решение означало, что отныне все судебные слушания стали открытыми. Оно означало также, что подсудимые теперь могли пользоваться целым арсеналом законных прав, разработанных для защиты их от недобросовестных процедур и произвольных наказаний. Права подсудимых ограждало и то, что решение о виновности принимало жюри присяжных, составленное из обычных мужчин (женщин допустили к участию в жюри только в 1920 г., после принятия Девятнадцатой поправки к Конституции) под председательством профессионального судьи.

¹⁷ Краткий обзор колониальной системы правосудия см. в: L. M. Friedman, *A History of American Law*, New York, N.Y., Simon & Schuster, 1973, pp. 17—104.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)